

Роль российского Севера в евразийском развитии

Вектор развития русской цивилизации всегда был и будет направлен на северо-восток

Об авторе: Сергей Николаевич Голубчиков – кандидат географических наук, доцент Академии «МНЭПУ» (Международный независимый эколого-политологический университет), заведующий отделом экологии журнала Президиума РАН «Энергия: экономика, техника, экология».

Северный морской путь многие эксперты считают геополитическим будущим России. Фото с сайта www.polarf.ru

Наступивший 2013 год – юбилейный в географическом отношении. 12 марта мировая общественность отметила 150-летие выдающегося мыслителя В.И. Вернадского. В этом году исполняется столетие экспедиции гидрографа Б.А. Вилькицкого, открывшего Землю Николая II (в 1926 году архипелаг, названный так в честь 300-летия династии Романовых, был переименован в Северную Землю; была попытка назвать его и «Землей Ленина»). Полярная экспедиция Б.А. Вилькицкого положила начало практическому освоению Северного морского пути, необходимость возрождения которого продекларирована «Стратегией развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года», подписанной президентом РФ 20 февраля 2013 года.

Арктический интерес

В современной России ресурсно-стратегическое, геоэкологическое и транспортно-инфраструктурное значение Севера в судьбе страны и Евразии значительно возросло. Теперь северные и арктические регионы занимают 2/3 территории страны, а не половину, как прежде. Это не удивительно и вполне закономерно, если взглянуть вглубь веков. Вектор развития русской цивилизации всегда был и будет обращен к северу, к северо-востоку.

Примерно в том же евразийском направлении работала и мысль Владимира Ивановича Вернадского начиная с его первых студенческих работ в 1884–1885 годах о далеких сородичах руссов – закарпатских русинах, о тождественности русской и украинской культуры, об Арктике и его глобальных обобщений о биосфере и ее переходе в ноосферу и т.д.

Так, в 1920 году, находясь в Крыму и думая об эмиграции, Вернадский мечтал вернуться к истории славянства (русинов, руссов) и записал в дневнике: «Совершенно иначе сложится жизнь, если поеду в Югославию. Я войду в центр славянских культурных интересов и опять вернусь к старым своим славянским интересам. Мне кажется, я знаю здесь больше многих и даже огромного большинства русских ученых, и думаю, что здесь я могу сделать многое... Наконец, если не удастся уехать, то буду читать геохимию в Тавр[ическом] унив[ерситете] или в Новорос[сийском] и пойду по старому пути той работы, которую вел последние годы. М[ожет] б[ыть], большевики ее совсем сломают? Куда повернется – зависит от случая» (17 января ст. стиля). Вернадский все же остался в России и занялся биогеохимией.

Академика Вернадского всегда занимали Арктика и российский Север, вопросы освоения их ресурсов, обустройства территорий с использованием природосберегающих технологий. В 1915 году он был инициатором создания КЕПС – Комиссии по естественным производительным силам, преобразованной в 1930 году в Совет по изучению производительных сил (СОПС), существующий и поныне. КЕПС разработал планы использования альтернативной энергетики – «двигательной силы ветра», «водных сил» и создания плотин, вошедшие в историю как план ГОЭЛРО.

Практическое применение наработок Вернадского и других ведущих умов оказалось настолько важным, что их использовали еще десятки лет. Нельзя не согласиться с академиком А.Г. Гранбергом, отметившим, что в значительной мере благодаря КЕПС была создана минерально-сырьевая база страны и выработаны научно-организационные подходы к изучению ресурсного потенциала регионов.

Много сделал ученый и для изучения полярных областей. Под впечатлением героического похода ледоколов «Вайгач» и «Таймыр», открывших ровно 100 лет назад архипелаг Земля Николая II, ученый стал одним из инициаторов создания постоянной полярной комиссии при Академии наук. Вернадский был членом комиссии (как и ее президент, академик А.П. Карпинский) все годы ее существования (1914–1936).

В 1915 году он обозначил задачи полярной комиссии, одной из которой было предложение направить экспедицию для изучения только что открытой Земли Николая II. Эта экспедиция все же состоялась через 14 лет под руководством полярного исследователя Г.А. Ушакова (1930–1932).

Другой главнейшей задачей полярной комиссии стало рассмотрение проектов арктических экспедиций, дабы не допускать излишних авантюрных и непродуманных мероприятий, приводящих к ничтожным результатам и напрасной гибели людей. В то время, после гибели трех полярных экспедиций – Г.Я. Седова, Г.Л. Брусилова, В.А. Русанова в 1912–1914 годах, это было особенно актуально. Деятельность комиссии должна была включать исследование «полярных стран вообще и русского Севера в частности», организацию экспедиций, разработку плана систематических работ в арктической области Земли, выработку правовых норм международного сотрудничества, дальнейшее изучение вопроса о Северном морском пути.

Заметим, что Аляска как бывшая территория Российской империи также входила в сферу научных интересов дореволюционной полярной комиссии. Примечательно, что Вернадский ставил перед ней тогда задачу не ограничиваться только русской Арктикой, но и предусмотреть «включение интересов антарктической природы в область, подлежащую нашей научной работе и нашей научной мысли». Иными словами, предлагал комиссии не замыкаться в границах русской Арктики, а распространить свою деятельность на районы нового, перспективного освоения.

Ноосферная экономика Севера

Разнообразие задач определило функцию комиссии – координацию усилий многих структур, которые находились в подчинении различных ведомств и нередко дублировали друг друга. И такую роль комиссия выполняла до середины 1930-х годов, пока не было создано на основе гидрографической службы Главное управление Северного морского пути (1933 год) и ему были переданы ее функции.

Новое ведомство свело масштабные работы академической полярной комиссии к узкому кругу практических народнохозяйственных задач, главным образом – к гидрографическим описаниям, созданию сети гидрометеопостов, полярных станций (в том числе и дрейфующих), картографированию Арктики, прежде всего для нужд обороны страны. А геологоразведочные работы и нефтегазовое освоение Севера стало в советские годы уделом Мингеологии и Миннефтегазстроя.

Сегодня, когда мы говорим о необходимости комплексного, государственного освоения и обустройства Севера, не пора ли вернуться к предложению В.И. Вернадского 1915 года и воссоздать межведомственный авторитетный орган по эксплуатации и сохранению ресурсов Арктики, с которым бы считались и международные экологические организации?

Это необходимо еще и для оценки геоэкологического вклада экосистем России в стабилизацию глобально-биосферных процессов. Сегодня российский Север – самая экологически чистая часть планеты, малозатронутая хозяйственной деятельностью и выполняющая основную стабилизирующую функцию для всей биосферы планеты. Это регион, который гораздо больше отдает, чем получает.

Половина болот северного полушария и половина хвойных лесов планеты находятся на территории российского Севера. Именно они, а не решения Киотского протокола, поддерживают углеродный баланс планеты, спасая ее от глобального потепления. Вот почему устойчивое освоение достаточного хрупкого и легкоранимого ресурсного потенциала Арктики и Севера, возможное только на основе интеллектуальных

технологий, избавит человечество от «груза губительных технологий потребительской похоти» (по образному выражению Виктора Аксючица).

Возможно, северные территории с высоким потенциалом природного риска станут полигоном для отработки и внедрения не только самых интеллектоемких и наукоемких технологий, но и новых методов управления и планирования, без которых невозможно становление будущей «зеленой», ноосферной экономики. В «зеленой» ноосферной экономике Севера эколого-эстетическая и рекреационно-оздоровительная, культурно-познавательная ценность девственного северного ландшафта зачастую будут доминировать над рыночно-потребительской стоимостью сырья, извлекаемого из его недр. Ведь сырье можно заменить иными материалами, а северные естественные просторы – последний территориальный резерв человечества – заменить ничем.

«Зеленая» (или ноосферная) экономика потребует нового, государственного (внеолигархического) подхода к транспортно-инфраструктурному обустройству российского Севера. К этому призывал и идейный ученик В.И. Вернадского, и его последователь, академик Никита Моисеев (1918–2000), тяжело переживавший за обезлюдивший в конце XX века российский Север, который покинула тогда четверть его населения.

В последней своей работе, в статье-завещании «Северный морской путь – одна из важнейших опор благополучия России», опубликованной в № 7 за 2000 год журнала «Энергия: экономика, техника, экология», Моисеев ссылается на отца-основателя геополитики Х. Маккиндера. Россия (хартленд Евразии) является мостом между Европой и странами АТР. Это геополитическое преимущество страны надо умело использовать.

Полярный путь России

Как убежденный евразиец Никита Моисеев предсказывал, что геополитическая гегемония США в начале XXI века будет угасать и на арену мирового лидерства выходят страны Евро-Атлантического региона и АТР. Поэтому важнейшими транспортными структурами для связи между этими регионами должны стать Северный морской путь и Транссиб (Российский полярный и Великий сибирский пути,

по словам Моисеева). Ведь эти евразийские магистрали – кратчайшие и к тому же наиболее безопасные по сравнению с возрождающимся «Великим шелковым путем», который проходит через политически нестабильные регионы Центральной Азии.

Российский полярный путь даст импульс развитию забытого Беломоро-Балтийского канала, по которому арктические углеводороды могли бы попадать на европейский рынок. Ученый усматривал большие перспективы в создании порта в незамерзающей бухте Усть-Индига (такой проект рассматривался Госпланом в 1927–1928 годах, но тогда его посчитали неперспективным и выбор пал на развитие Мурманска и Архангельска). Усть-Индига лежит в 200 км от воркутинской магистрали, соединив которую железнодорожным переходом через Урал (от ст. Ивдель до ст. Печора), можно было бы «превратить Усть-Индигу в один из терминалов Великого Сибирского пути (Транссиба), включив тем самым Российский полярный путь в единую транспортную систему, соединяющую Атлантический и Тихоокеанский регионы».

Для полномасштабной реализации проекта реализации Российского полярного пути (РПП), превращения его в стержень евразийского развития необходимо создать, по предложению Моисеева, группу специалистов разного профиля, «способную подготовить подробный доклад об основных проблемах освоения РПП. Для этого надо сначала сформировать небольшую временную группу из представителей разных научных организаций. Не привлекать организации, а приглашать отдельных представителей, понимающих смысл проблемы». Такие специалисты, по мнению академика, еще остались в вычислительном центре РАН, в СОПС (Совет по изучению производительных сил), в Петербургском конструкторском бюро, проектирующим ледоколы, в Якутии, Мурманске, Норильске и т.д.

Теперь, возможно, настало время создать такой экологический центр, в котором одновременно шла бы и переподготовка кадров-североведов, повышение квалификации будущих специалистов, в частности, магистров и аспирантов. Сегодня подготовка североведов широкого профиля в Москве практически прекратилась с перепрофилированием в 1960-х годах кафедры полярных стран географического факультета МГУ в кафедру мерзлотоведения и гляциологии. Между тем потребность в североведах растет.

Это отражено и в «Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечении национальной безопасности на период до 2020 года». В ней отмечается «отсутствие эффективной системы подготовки кадров, дисбаланс между спросом и предложением трудовых ресурсов в территориальном и профессиональном отношении». Это требует «обеспечения подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов в системе высшего и среднего специального образования для работы в арктических условиях с учетом существующих и прогнозируемых потребностей в специалистах».

Североведение – комплексная наука, и готовить специалистов этой широкой специализации должны профессионалы в области геоэкологии, экологического риска и безопасности, инженерных линейных сооружений, экологии человека и урбозоологии, психологии, права, экономики. Именно таким многопрофильным кадровым составом обладает МНЭПУ.